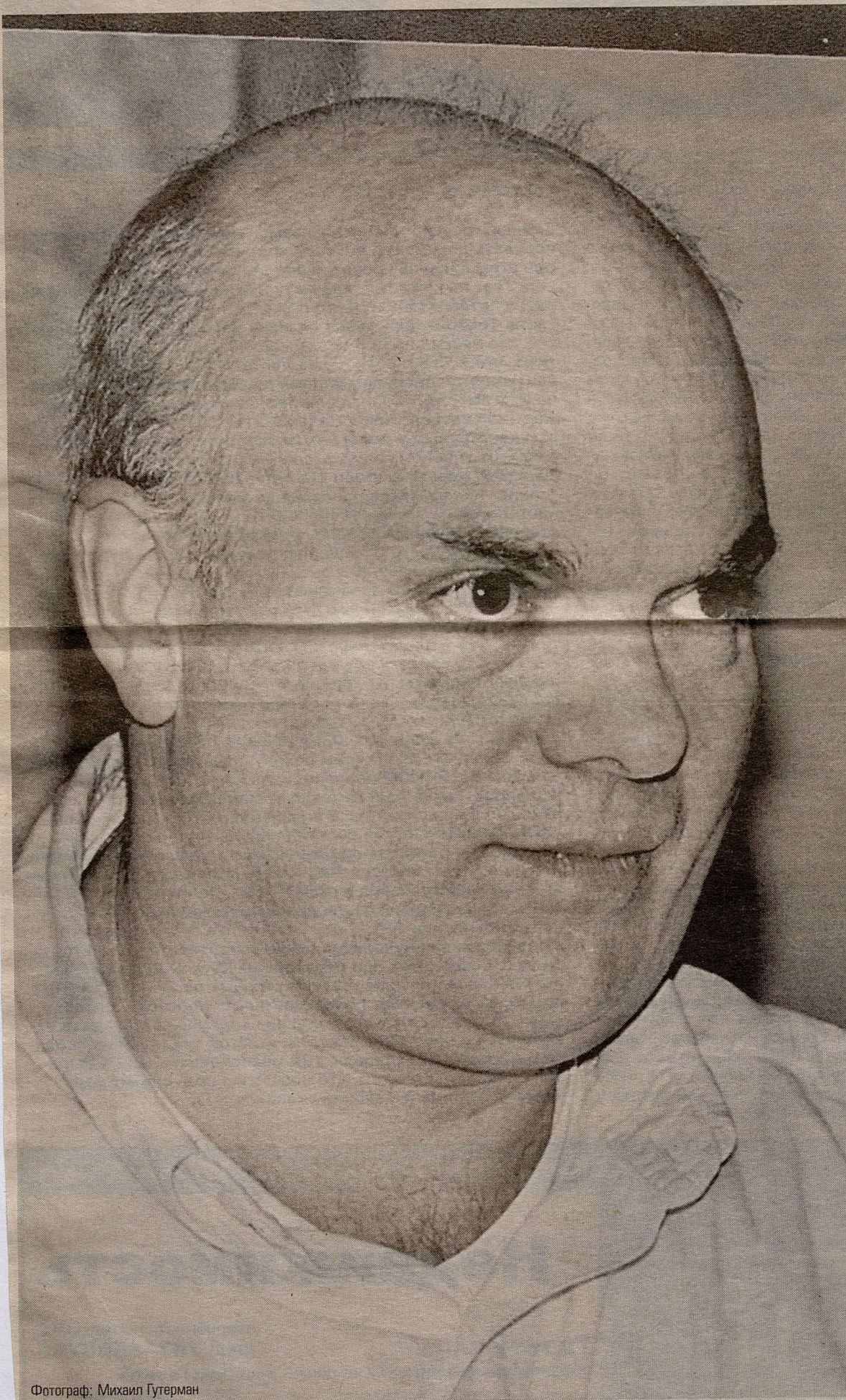

“жизнь происходит из трения”

Деклан Доннеллан — Газете

Фотограф: Михаил Гутерман

Осталось только два дня до того момента, как публика Чеховского фестиваля придет в Театр имени Пушкина, чтоб увидеть новый спектакль **Деклана Доннеллана** «Три сестры», поставленный с русскими актерами. Корреспондент Газеты **Глеб Ситковский** встретился с британским режиссером, когда подготовка к российской премьере была в самом разгаре.

Деклан, я не читал французских рецензий на «Три сестры» и почти ничего не знаю об этой постановке. Но, зная прежние ваши спектакли, рискну предположить, как будет начинаться этот. Пустая сцена, на нее выходят актеры, одетые, по всей видимости, в белое, становятся в шахматном порядке лицом к рампе, и Ольга говорит свою первую реплику: «Отец умер ровно год назад». Так и будет?

(Пауза.) Да, примерно так и случится. Более или менее. (Смеется.) Все будет очень просто. Чехов, разумеется, отличается от Шекспира. Я и художник Ник Ормерод пришли к выводу, что трудно представить себе Чехова, который существует вне контекста своего времени. Представить себе героев Чехова, которые одеты в современные костюмы, очень трудно. Его сила — в особом времени, но, несмотря на это, он оказывается актуальным и для нашей эпохи. Я не думаю, что здесь надо проводить какие-то параллели, но все мои работы — в основном про игру. Для того чтобы показывать настоящие отношения между людьми, достаточно очень малого количества декораций. Театр — это не кино, и здесь гораздо сильнее участие зрителя.

Так ли выражена эта игровая стихия в чеховских пьесах, как, например, у Шекспира, пьесы которого вы ставили в таких количествах?

Конечно. Где-то больше, где-то меньше. Сцена у Чехова рассчитана на двенадцать человек, и хотя у Шекспира тоже бывает, что на сцене находится двенадцать человек или даже больше, по-настоящему обычно задействованы только двое или трое. Настоящий драматизм между двумя людьми — это совершенно необычайно. Надо помнить, что драма началась с того, что один человек вышел к зрителю, и это было изобретением Эсхила. Не знаю, так ли это, но считается, что второго персонажа придумал Софокл. И почти все пьесы в мировой истории впоследствии строились на взаимоотношениях двух людей. Возьмите «Ромео и Джульетту» или «Меру за меру»... Однако большая сце-

на с участием двенадцати человек — очень мудреная и сбивающая с толку конструкция. Это одна из причин, почему я всю жизнь хотел поставить Чехова. Но мне нужно было быть совершенно уверенным, что вся труппа состоит из правильно подобранных актеров. Когда семь лет назад я познакомился с Александром Феклистовым, я сразу подумал, какой замечательный из него выйдет Вершинин. С тех пор много чего произошло, у нас подобралась целая команда, и я понял, что пришло время заняться Чеховым.

Выходит, идея поставить пьесу Чехова исходила от вас, а не от Чеховского фестиваля, как можно было бы подумать?

В основном от меня. Я отдаю себе отчет, что «Три сестры» в России ставились очень часто, и не хватало только англичанина, который придет и научит всех, как надо ставить Чехова. Но мне очень хотелось этого, и вот представилась возможность, которую я решил не упустить.

Вы знаете, в прошлом году, когда «Двенадцатая ночь» гастролировала в Париже, я разговаривал с Феклистовым и спросил его: как репетирует Доннеллан? Он сказал: Доннеллан не разрешает актерам делать пауз, персонажи все время пытаются как бы перебить друг друга. Как это соотносится с чеховской пьесой, где ремаркой «пауза» буквально испещрены страницы?

(Смеется.) Нет, у нас все-таки встречаются паузы. Просто мне кажется, что в настоящей жизни мы всегда сами себя прерываем. Даже если я замолчу и перестану говорить с вами, вы можете истолковать это как паузу, но это будет не паузой, а целой серией прерываний. Жизнь происходит из трения. Это трение одной мысли о другую, одного персонажа о другого. Мне очень интересно работать с такой категорией, как присутствие. Когда ставки возрастают, наше присутствие усиливается. Если вы когда-нибудь видели автомобильную катастрофу, то, может быть, замечали, что со временем в этот момент что-то происходит. Все вок-

руг как бы замедляется; мы принимаем большее участие в процессе, чем обычно. Или когда вы влюбляетесь... Или когда вас захватывают какие-то сильные чувства... В каждом из этих случаев со временем происходит что-то странное. Есть еще такой распространенный штамп, что у умирающего вся жизнь проносится перед глазами. Не знаю, правда это или нет, но в какие-то моменты мы соединяемся с настоящим, правильным временем, и это очень важно.

У Чехова время течет как-то по иному, чем у Шекспира?

Они оба имеют дело с такими ситуациями. У них вообще очень много общего. Оба они очень религиозны в своей основе, но пытаются во что бы то ни стало избежать прямого упоминания о религии. Они оба работают с персонажами, жизнь которых меняется в какой-то момент, меняется благодаря любви. Или, как это бывает у Чехова, любовь не изменяет жизнь.

Интересно, что вы находите между Шекспиром и Чеховым гораздо больше сходства, нежели различий, хотя это, казалось бы, совсем разные драматургические модели.

Да, это действительно так. Моей следующей работой в театре будет «Гильгамеш», постановка практически одного из первых текстов, созданных на Земле. Форма — совершенно другая, ничуть не похожая ни на Шекспира, ни на Чехова. Но по содержанию это фактически то же самое: о людях, которые не хотят умирать. У людей меняется жизнь... Все то же самое. А вообще, вы знаете, очень смешно говорить о Чехове и Шекспире. У кого-то из древних мудрецов спросили: почему больше никто не видит Бога? Ответ был таков: просто потому, что никто не может так низко наклониться. Мы забываем об этом, когда говорим о Шекспире и о Чехове. Ведь речь идет всего лишь о том, чтобы в правильном порядке расставить слова. Я прочел очень много пьес. Когда ты читаешь Чехова или Шекспира, у тебя возникает большее желание перевернуть страницу, чтобы узнать, что будет дальше. Тебя влечет какая-то сила. Вас буквально за ухо тянут в какой-то мир, где вы никогда не знаете, что произойдет в следующую минуту. Есть пьесы, про которые можно сказать: о, это интересно, очень интересно. Но мне никогда не придет в голову сказать про Шекспира или Чехова, что они «интересны». Здесь что-то другое, гораздо более напряженное.

Почему вы решили ставить Чехова именно с русскими актерами? В Британии не нашлось такой команды?

Есть, конечно, в Британии люди, но... Здесь я должен сделать важное заявление по поводу ре-

пертуарного театра. На Западе была репертуарная система, но из-за телевидения и кино она практически перестала существовать. Из-за стремления к независимости многие позиции постепенно сдавались. Русские актеры — чудесные, но звезды есть в любой стране. Чего нет в любой другой стране, так это правильной репертуарной системы. Чехова ставят по всему миру, но ужас состоит в том, что, когда его ставят на Западе, на постановку сходятся люди, которые никогда раньше вместе не работали. Это вообще никогда ни к чему хорошему не приводит, но для пьес Чехова, как мне кажется, это особенно разрушительно.

Однако, хотя у вас в «Трех сестрах» заняты многие актеры, с которыми вы работали и раньше, это нельзя сравнить с репертуарным театром. Актеры наняты на один конкретный проект.

Вы правы. Просто для меня одна из причин, по которой я работаю в России, состоит в том, что здесь развитый репертуарный театр. Я могу вернуться сюда, продолжить работу с теми же актерами, и это очень здорово. На Западе такого никогда не будет.

В последние годы у вас вышло больше спектаклей, осуществленных за границей, чем в самой Англии. Может, вам там стало скучно?

Дело не в этом. Скорее это какой-то вызов для меня. У меня появились какие-то связи с Россией, преимущественно эмоционального характера. И для меня это как магнит.

Вы сами как режиссер изменились от соприкосновения с Россией и с русским театром?

Надеюсь, что да. Мы всегда меняемся, хотим мы этого или нет. Когда я впервые начал здесь работать, у меня было очень романтическое представление о России. Страна Станиславского, страна Чехова... Это было как влюбленность. Любой хороший брак начинается с влюбленности, но потом нужно, чтобы влюбленность уступила место любви, а любовь и влюбленность — это совсем не одно и то же. Сейчас Россия — это часть моей повседневной жизни.

К разводу дело пока еще не идет?

(Смеется). Надеюсь, что после «Трех сестер» не произойдет развода. Я люблю возвращаться сюда и ставить русские пьесы. «Двенадцатую ночь», конечно, тоже было очень весело делать, но Шекспира я ставил в своей жизни так много — более двадцати его пьес, и некоторые не по одному разу. Следующую пьесу Шекспира я поставлю не раньше чем в 2007-м. Это будет «Цимбелин». Очень необычная пьеса и совершенно замечательная, Шекспир написал ее в самом конце жизни.

газета

самый русский британец

Деклан Доннеллан родился в 1953 году. Изучал в Кембридже английский язык и право, в 1979 году стал адвокатом. В 1981-м вместе со сценографом Ником Ормеродом основал театр Cheek by Jowl. Поставил там спектакли «Андромаха», «Свои люди — сочтемся», «Сара», «Сид», «Герцогиня Амалифи». Среди его шекспировских постановок — «Двенадцатая ночь», «Сон в летнюю ночь», «Макбет», «Много шума из ничего», «Мера за меру», «Как вам это понравится». С 1989 по 1997 год Доннеллан — ассоциированный директор Королевского национального театра в Лондоне. В 1997-м был приглашен для постановки «Зимней сказки» в Малом драматическом театре. В 1998-м поставил для Авиньонского фестиваля «Сида» с труппой французских актеров. В 2000-м выпустил с русскими актерами «Бориса Годунова», в 2003-м — «Двенадцатую ночь».